

Андрей
ЖВАЛЕВСКИЙ

Евгения
ПАСТЕРНАК

Правдивая история Деда Мороза

Время – детство!

Евгения Пастернак

Правдивая история Деда Мороза

«WebKniga»

2008

Пастернак Е. Б.

Правдивая история Деда Мороза / Е. Б. Пастернак —
«WebKniga», 2008 — (Время – детство!)

ISBN 978-5-9691-0938-4

...Инженер-путеец Сергей Иванович Морозов, прогуливаясь в Рождество перед Новым, 1912 годом со своей женой Машей по Косому переулку в Санкт-Петербурге, попадает под волшебный снег, который, оказывается, выпадает здесь один раз в пятьдесят лет. Сами того ещё не ведая, супруги становятся на следующие полстолетия исполнителями новогодних детских мечтаний – Дедом Морозом и Снегурочкой. Они потрясены новыми возможностями и долго считают все творимые ими чудеса случайными совпадениями. Но глаза героям романа открывают птёрки и охли – представители волшебного народца, которые становятся их постоянными помощниками в предновогодние дни и ночи... «Правдивая история Деда Мороза» соединяет в себе волшебную сказку и рассказ о реальной истории России в XX веке. Она адресована детям 8–12 лет, тем, кто ещё не расстался окончательно с верой в новогоднее чудо, но уже готов узнавать правду о жизни и истории своей страны.

ISBN 978-5-9691-0938-4

© Пастернак Е. Б., 2008

© WebKniga, 2008

Содержание

Откуда взялся Дед Мороз и почему он никуда не денется?	6
Рождество перед Новым, 1912 годом	8
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Андрей Жвалевский, Евгения Пастернак

Правдивая история Деда Мороза

© Андрей Жвалевский, Евгения Пастернак, 2018

© «Время», 2018

* * *

Откуда взялся Дед Мороз и почему он никуда не денется?

ЧТО СЕЙЧАС БУДЕТ! (ЧТО-ТО ВРОДЕ ПРЕДИСЛОВИЯ)

Дорогие наши читатели, взрослые и дети, а также взрослые дети!

Нам очень приятно, что вы взяли в руки нашу книжку, и будет вдвойне приятно, если вы её прочитаете. А уж если вы прочитаете и это предисловие, то мы будем просто счастливы.

Потому что, с одной стороны, то, что мы написали, – это сказка. А с другой стороны – не совсем. Всё, что мы выдумали, так похоже на правду, что мы уже и не знаем, выдумали мы это всё или нам птёрки с охлями нашептали?

Кто такие птёрки и охли? Потерпите, скоро узнаете. А пока – несколько слов собственно о Дед Морозе.

Кажется, что Новый год был всегда. Причём именно такой, как сейчас, – зимний детский праздник с ёлкой, хороводами, Дедушкой Морозом и Снегурочкой. Как бы не так!

Во-первых, Новый год на Руси отмечали то 1 марта, то 1 сентября. На 1 января его перенёс царь Пётр I не так давно – три сотни лет назад.

Во-вторых, ёлки у нас в домах появились ещё позже. То есть в Германии они давно были, но в России обычай ставить рождественскую ель приживался очень долго. Тот же Пётр I пытался заставить в новогоднюю ночь вешать «украшения от древ и ветвей сосновых, еловых и можжевельных» – но без особого успеха. Только в середине XIX века в городских домах начали появляться привычные нам ёлки. А в деревнях эта традиция долго ещё пробивала себе дорогу.

В-третьих – и в-главных, Деда Мороза не было аж до начала XX века! То есть он родился всего сто лет назад, приблизительно одновременно с вашими прадедушками! Представляете?! Мы, когда узнали, долго не могли поверить, но это факт: был Мороз-воевода (злой и суровый), был Морозко (молодой и весёлый), за границей уже был Санта-Клаус, а вот Дедушки Мороза не было!

Мы так возмутились по этому поводу, что решили написать полную историю Деда Мороза. А заодно выяснить, откуда у него взялась Снегурочка. (А Снегурочка, оказывается, вообще появилась только в 1937 году!)

Странно ведь – внучка Снегурочка есть, а родители её где?

Решили написать – и написали!

Теперь мы всё знаем:

– и что Дед Мороз появился уже давно, просто мало кто об этом знал;

– и что Снегурочка совсем не внучка Деда Мороза;

– и что он на самом деле волшебник, но только две недели в году;

– и самое важное – Дед Мороз существует! По крайней мере, пока в него верят.

Мы – верим.

Потому что эту историю мы всё-таки не сами из головы выдумали, а подслушали у птёрков и охлей.

Кстати, пора и про них уже узнать. Переворачивайте страницу.

Доброго чтения!

ВАШИ АВТОРЫ

Рождество перед Новым, 1912 годом

Из истории

В 1911 году не было многих привычных сегодня вещей: телевидения, радио, космических кораблей, компьютеров. Кое-что появлялось, но было ещё редкостью, например, телефоны, трамваи и автомобили.

Самым быстрым транспортом была железная дорога. Инженеры, которые работали на железной дороге, считались очень уважаемыми людьми, жили в хороших домах. Хотя этим хорошим домам было далеко до современных – ни тебе горячей воды, ни кабельного телевидения.

Зато были самовары и гимназии. Из самоваров с особым удовольствием пили чай, а в гимназии (школы) ходили без особенного удовольствия. А всё потому, что в тогдашних гимназиях изучали слова с буквой «ять». Это была удивительная буква, выглядела она вот так – Ъ, а читалась просто как буква «е», и не было правила, по которому было понятно, что нужно писать в слове – «е» или «Ъ». Все слова, в которых пишется Ъ, приходилось учить наизусть, а их было много, несколько сотен! Букву Ъ вскорости отменили, но дети всё равно не полюбили школу.

пообѣщаетъ, а ве-
черомъ молится съзидати
въ Павловскѣ

А. Алексѣевъ

ВЪ НАЧАЛѢ текущего столѣтія и въ концѣ прошед-
шаго, наши публичныя увеселенія килѣли жизнью
и не были такъ безцвѣтны и вялы, какъ теперь;
правда, и жизнь въ Петербургѣ въ то время была
баснословно дешевая. Первый, напримѣръ, въ сто-
лицѣ домъ графа Шереметева, на Фонтанкѣ, отда-
вался въ паймы за четыре тысячи рублей. Лучшая
квартира въ восемьдесятъ комнатъ, на лучшей
улицѣ, стоила не дороже двадцати рублей въ мѣсяцъ;
фунтъ говядины стоилъ полторы и двѣ копейки, пол-
теленка рубль, курица пять копѣекъ, десятокъ яицъ
двѣ копейки, пудъ масла коровьяго 2 рубля, пудъ
свѣчей сальныхъ два рубля, овса четверть восемь-
десятъ копѣекъ, пудъ сѣна три копейки, дровъ березовыхъ са-
жень семьдесятъ копѣекъ, хлѣбъ бѣлый въ полфунта двѣ ко-
пейки, бутылка шампанскаго вина полтора рубля, портера...

Ёлку в начале XX века уже ставили во многих городских домах. Украшали её совсем не такими игрушками, как сейчас, – обычно самодельными. В то время перед Рождеством продавались наборы для самостоятельного изготовления игрушек. Фабричные игрушки делали из папье-маше или толстого стекла, а самый шик – игрушки из тонкого стекла – возили из Германии. Стоили такие украшения очень дорого.

А ещё в то время страной управлял царь. Впрочем, для нашей истории это не очень важно.

– Ванечка, – маменька осторожно потрясла Ваню за плечо, – вставай. В гимназию пора. Мальчик тут же попытался укрыться за подушкой. Чья-то сильная, но осторожная рука подняла подушку, и густой бас произнёс:

– А охли уже проснулись. На кухне безобразничают.

Ваня повёл носом и приподнялся на кровати.

– Смотри, не успеешь, – добавил бас.

Ваня направился на кухню. По дороге он, как обычно, выяснил, что по квартире очень трудно бродить с закрытыми глазами. Он открыл один и успешно завершил путешествие. На кухне открылся и второй глаз: наглая охля как раз готовилась заглотить его тарелку с манной кашей целиком. Ваня терпеть не мог кашу, но сейчас ловко выхватил добычу из охлиной пасти. Та так и осталась сидеть с открытым ртом. Вернее, лежать, потому что охля была нарисована на листе бумаги.

– Успел? – спросил знакомый бас.

– Доброе утро, дядя Серёжа! – сказал Ваня, жадно глотая кашу.

Манка оказалась, как ни странно, вкусной. Дядя Серёжа – большой и бородастый – присел рядом.

Дядя Серёжа был не просто дядя – а самый любимый на свете дядя. Пару раз в неделю, когда у него было утро посвободнее, он заезжал к своим племянникам. Завтракал с ними, а потом провожал Ваню до гимназии.

– Сестра! – крикнул он. – И мне такой каши! Только тарелку побольше, я тогда Ванюшу обгону.

– Нет, – крикнул и Ваня, – мне добавки. Тогда будет один плюс один... две! Я больше тарелок съем!

Под шумок мама скормила Ване и противный кисель, но он даже не заметил: дядя Серёжа рассказывал, что видел пару птёрков в депо, где он работал инженером.

– Может, они путешествовать собираются? – сказал он.

– Они на каникулы едут!

– Вряд ли. До Рождества ещё два дня.

– Дядя Серёжа, а ты к нам на ёлку придёшь?

– Обязательно. Как же я могу не прийти к любимым племянникам?

Папа любимых племянников, Николай Андреевич Шестаков, появился в столовой парадно одетым.

– Ой, пап, а ты куда? – удивился Ваня.

– У нас сегодня в посольстве торжественный обед. А я не успею заехать домой. Доброе утро, Сергей Иванович.

– Доброе утро, Николай Андреевич!

Мужчины пожали руки и разулыбались. Они были совершенно не похожи. Большой весёлый балагур дядя Серёжа и худой, высокий серьёзный папа. Но дети очень любили их обоих. Только жалели, что дядя живёт не с ними.

В это утро младшие дети сползались в столовую на редкость медленно. В отличие от Вани-гимназиста им с утра никуда не нужно было спешить. У них троих – трёхлетней Наташи, пятилетнего Коленьки и двухлетней Софьи – ещё продолжалось счастливое детство.

Папа их не дождался и ушёл на службу.

И дети, как только появились в комнате, тут же повисли на дяде. Даже Сонечка всё время старалась спрыгнуть с маминых рук и улыбалась во весь рот.

– А где мои охли?

– Ой, а у меня под тарелкой птёрк!

– Где? Дай посмотреть!

– Вот! Он голодный! На тебе, птёрк, ложечку... А чаю хочешь?

– Это, наверное, самая долгая сказка, в которую они играют, – сказала Светлана, мама ребят и сестра дяди Серёжи.

Она пыталась поймать Сонечку, которая выкручивалась с рук.

– И не надоест же им!

– Надоест – другую придумаем!.. Ладно, всем до свидания. А ты, Ваня, давай быстрее, если хочешь, чтобы я тебя до гимназии проводил.

Ваня одним глотком допил оставшийся чай, а маленькая Софья наконец-то вырвалась из маминых рук и бросилась к любимому дяде. Обняла его за ногу и заулыбалась, как сто солнышек.

– Любят они тебя. Иногда мне кажется, что даже больше, чем нас, родителей. Как жаль, что у вас с Машей...

– Всё, мы с Ванюшей уходим!

Дядя Серёжа решительно встал из-за стола, закружил Софью, отдал на руки её мамочке и вышел из комнаты.

Светлана испуганно притихла. Кто её дёрнул за язык? Зачем лишний раз напоминать, что у Сергея Ивановича и его жены Машки нет своих детей?

На улице Ваня сразу взял дядю за руку и принялся гордо вертеть головой – глядите, кого я веду! Здесь многие знали Сергея Ивановича Морозова, дамы улыбались, а мужчины на бегу прикладывали перчатку (а то и варежку) к шапке. При этом все ёжились и кутались. Дядя

Серёжа – будто ему и мороз нипочём – шёл прямо и весело. И Ване рядом с ним отчего-то было совсем не холодно.

– А нам не морозно! – крикнул он.

– Потому что Морозовы! – отозвался Сергей Иванович. – Повелители морозов! – и от избытка чувств подбросил племянника к синему, как мамины глаза, небу.

Вообще-то Ваня был по фамилии не Морозов, но дядю не поправлял. Ему приятно было чувствовать себя повелителем морозов.

Ване страшно нравилось, когда в гимназию его отводил любимый дядя. Он по дороге всегда рассказывал потрясающе интересные истории, таких не услышишь больше ни от кого. Особенно интересно было, когда Сергей Иванович рассказывал про город или про работу. К сожалению, от дома до гимназии умещалась всего одна история, так что тему приходилось каждый раз выбирать.

– Давай сегодня про город, – попросил Ванечка после недолгого колебания.

Сказал и сразу немного пожалел, потому что работа у дяди удивительно интересная. Не работа – мечта любого мальчишки. Пару раз дядя брал племянника к себе в депо. А там машины всякие! Чертежи! И дядя там самый главный, если что непонятно, все сразу к нему бегут. А Сергей Иванович даже и не задаётся, а спокойно всё объясняет.

Год назад дядя сводил Ваню на железнодорожную выставку. Выставка эта была совсем рядышком, чуть не в соседнем доме с гимназией. Ваня еле оттуда ушёл, так заворовили его маленькие паровозики и настоящие модели поездов. Казалось, как только люди уйдут из зала, из паровозика повалит дым и маленькие пассажиры побегут заполнять маленькие вагоны.

А ещё дядя брал с собой Ваню смотреть на самолёты. В гимназии мальчишки обзавидовались! Ване внутри самолёта посидеть не дали, зато ему удалось потрогать это чудо летучее за крыло.

Но лучше всего Сергей Иванович разбирался в трамваях, его работа в том и заключалась – трамваи обслуживать. Дядя много про трамвай рассказывал, но, честно говоря, Ваня понял не всё. Ну, конка, это понятно – её лошади везут, а трамвай как едет? Куда лошадей-то запахали? Или его кто за верёвочку тянет?

От размышлений Ваню оторвал голос Сергея Ивановича:

– О чём задумался, детина?

– Дядя Серёжа, а ты трамвай придумал, потому что тебе лошадок жалко?

Ваня с дядей пересекали Кирочную улицу, и Ваня на-ткнулся взглядом на конку. Две лошади тянули на себе переполненный вагон, который подозрительно поскрипывал и потрескивал.

– Ну и лошадок тоже жалко. А ещё с механизмом внутри быстрее получается, чем с лошадками. Ты ж просил сегодня про город рассказать?

Ваня подумал и кивнул, тем более что историю о том, как дядя помогал придумывать трамвай, он знал уже почти наизусть.

К тому времени они быстрым шагом вылетели на Литейный.

Здесь вовсю кипела жизнь и было такое оживлённое движение, что о рассказе речи не шло, дай бог живыми дорогу перескочить.

По Литейному проспекту конка не ходила, тут уже был трамвай, а кроме трамвая ещё извозчики и машины. Людей куча, и все так и снуют под колёсами туда-сюда!

Ваня перевёл дух только на другой стороне проспекта.

– Рассказывай! – потребовал он.

– Ну что, Ванечка, тебе рассказать? По какой мы с тобой улице идём?

– Пантелеймоновской!

– Точно! А знаешь, почему она так называется? Видишь ту церковь? Это церковь Святого Пантелеймона. Знаешь, кто её построить велел? Царь Пётр. В благодарность за победу над шведами в одной битве. Царь лично в той битве участвовал. И решил он построить на том месте, где сейчас Соляной городок, верфь для гребных и парусных судов...

– А почему городок Соляной?

– Это он сейчас так называется, потому что после верфи в этих зданиях были склады соли...

- Наверное, земля здесь солёная, да?
- Не знаю, не пробовал...
- А давай попробуем, а?
- Ну разве только под музей подкопаемся...
- А ты меня ещё в музейводишь?
- Свожу, свожу...
- И всё-всё-всё расскажешь?

Сергей Иванович расхохотался.

– Ну, всё-всё-всё тебе только Господь Бог расскажет, я не смогу. Но что знаю, расскажу.

Технический музей был для Вани как мёдом намазан. Один раз дядя затащил его в соседний, сельскохозяйственный, музей, но там была скукота. Кроме модели паровой машины, Ваня не нашёл там ничегошеньки интересного.

За рассказом о солёной земле Ваня не заметил, как они дошли до гимназии. А это означало окончание экскурсии.

Заметив кислую мину на лице мальчика, Морозов утешил его:

– Вот завтра пораньше выйдем из дома, я тебе про Пантелеймоновский мост много интересного расскажу. Он же раньше цепной был, красивый! – Сергей Иванович мечтательно улыбнулся. – Он на цепях висел, представляешь? Идёшь по нему – а он качается... Эх, такую красоту разрушили! А это же уникальный мост был, другого такого не встретишь. Но тут как раз собирались трамвайные пути проложить, так что пришлось его убрать. Видишь, от трамвая не только польза. Ладно, дружок, беги, а то опоздаешь.

Сдав племянника усатому, замотанному в платок швейцару, Сергей Иванович зашагал по улице не так весело. Спешить ему сегодня некуда, на работу можно немного припоздниться.

И племянник тоже как-то сдулся. Улыбка с лица слетела, он угрюмо стоял и ковырял ногой комочек грязного снега, глядя вслед уходящему дяде.

– Ну что грустный такой, а? – Швейцар Митрофан Игнатьевич (гимназисты звали его за низкий рост просто Митрофанчик) похлопал Ваню по плечу. – Иди уже. Через пяток минуток и молитва начнётся.

– Не пойду, – из глаз у Вани неожиданно брызнули слёзы, – не пойду туда больше.

– Да что ты! Негоже так говорить. Вырастешь, учёным станешь...

– Я инженером стану! И не буду писать диктанты... Никогда!

– А-а-а, понятно... У вас, что ль, грамматика первая?

Ваня всхлипнул и кивнул.

– Коренные с «ять» писать будете?

– А ты откуда знаешь?

– Ой, Ванюша, я тут уже пятнадцать годков стою. Я уже эту вашу «ять» как «Отче наш»... Митрофанчик подобрался и начал нараспев:

– Бѣднѣй, блѣднѣй, бѣлѣй бѣс
Убѣжал, бѣдняга, в лѣсъ:
Лѣшимъ по лѣсу онѣ бѣгаль,
Рѣдкой съ хрѣномъ пообѣдаль
И за горькій тотъ обѣдъ
Дал обѣтъ надѣлать бѣдъ.
Вѣдай, братъ, что клѣтъ и клѣтка,
Рѣшето, рѣшетка, сѣтка,
Вѣжа и желѣзо с ЯТЬ.

Ещё рассказывать?

Ваня только кивнул.

– Слухай, – довольно сказал Митрофанчик. –

Замѣшу посѣвъ в мѣрило,
Ѣду грѣхъ исповѣдать.
Мѣдъ, желѣзо всѣхъ плѣнило.

Днѣпръ, Днѣстръ посѣщать.
Приобрѣлъ, расцвѣлъ, загнѣдка,
Вѣсь, апрѣль, успѣхъ, сѣдло,
Зрѣть, прорѣха, вѣха, рѣдко,
Мѣтко, вѣстовать, сосѣдка,
Крѣпокъ, спѣлъ орѣхъ зѣло!
Бѣсы, сѣни, цѣпи, вѣжа,
Лѣвый, нѣкий, прѣсный, цѣль,
Дѣти-свѣтъ! Болѣйте рѣже.
Печенѣгъ плѣнять умѣль... –

Уф, – Митрофанчик перевёл дух, – ну как? Я много таких знаю. Час могу рассказывать. Вишь, я старый, и то сдюжил, а ты молодой, тебе сам бог велел...

– Ну какой же вы старый, Митрофанчик?! – Ваня прикусил язык. – Игнатъевич... Вы же молодой ещё!

– Ты, гимназёр, хвостом-то не мети! – пробурчал Митрофанчик. – Бегом в класс, а я пошёл звонок давать...

Ваня рванул раздеваться.

А в это время Сергей Иванович уже выходил у своего дома из коляски извозчика. Он решил, что перед работой не грех ещё раз попить чайку.

– Так и знала, что вернёшься, – засмеялась его любезная Марья Владимировна, – самовар уже сердится!

– Успокоим, успокоим, – загудел инженер Морозов. – Мы из него пар-то выпустим!

Пар выпустили, выпив по три чашки обжигающего ароматного чаю. Маша умела его готовить особенным способом, с добавлением корешков и трав. Наконец Сергей Иванович откинулся на стуле, извлёк из кармана часы и покачал головой.

– Пора мне идти, Машенька. Утро я себе освободил, но через полтора часа мне надобно в депо быть. Как бы не наломали дров там без меня.

Супруга вздохнула и улыбнулась. Нужно было прожить с ней много лет, чтобы уловить тоненькую нотку тоски.

– Что такое, Маша-простокваша? Киснуть будем?

– Да нет, всё хорошо... Только скучно очень. Что-то мы давно ни к кому не ходили.

– Ничего, на Рождество ходим! Ты же знаешь, нас везде привечают.

– А сегодня? Опять целый день тебя ждать...

Морозов на секунду нахмурился, но вмиг просветлел.

– Зачем ждать? Пошли гулять прямо сейчас?

Госпожа Морозова удивлённо прищурилась. Сколько лет живёт она с этим большим мальчишкой, а всё никак не привыкнет к его фокусам.

– Так тебе же в депо?

– Ничего страшного! Немного прогуляемся, а потом я поеду в депо. А тебе возьму лихача, доедешь в тепле.

Марья Владимировна была не из балованных барышень, собралась в две минуты. И вот уже шла под руку с дорогим мужем по скрипучему снегу. Шла и смеялась тихо, непонятно отчего. И ей тоже было совсем не холодно рядом с повелителем морозов.

Сначала они думали пешком дойти до Николаевского вокзала, где и работал Сергей Иванович. Однако, выйдя из дома, не сговариваясь, свернули в другую сторону и пошли не к Невскому проспекту, где шумно и людно, а тихими улочками к Сергиевской, мимо дома сестры и любимых племянников на Фурштатской.

– Эх, люблю я этот район, хорошо здесь! Тихо, красиво, уютно...

Машины юбки тихо шелестели, сапожки поскрипывали по снегу. Она шла и разглядывала красивые особняки, не замечая, что Сергей Иванович насупился. И насупился ещё больше, когда Маша остановилась у одного особняка – когда-то Бутурлинского. Нынче в нём расположилось посольство Австро-Венгрии.

– А представляешь, – сказала Маша, – если б это был не Бутурлиной особняк, а Морозовский! Как ты думаешь, я бы хорошо выглядела на этой террасе? – Только тут, не дождавшись быстрого ответа, Маша спохватилась, заметила, что супруг уже мрачнее тучи. – Шучу я, шучу! Что ты надутый, как цеппелин? Мне наш дом очень нравится. А здесь пусть бояре да дипломаты живут. – Маша погладила по щеке немного оттаявшего мужа и повела его дальше. – Просто дома тут красивые очень. Представляешь, они же тут уже лет пятьдесят стоят и простоят ещё лет двести. И нас уже не будет, а люди всё будут ходить и любоваться! И церковь вот эта, Сергиевская... Видишь вон ту бабушку, что внучку ведёт... А через пятьдесят лет та свою внучку сюда приведёт, а потом та свою внучку... Знаешь, что я иногда думаю? Что если бы все, каждый, потихоньку свою жизнь записывали, как бы это было здорово! Вот кажется: что писать, и так всё помнишь, а через сто лет как это будет людям интересно! Что мы носили, куда ходили. А вдруг у них через сто лет всё по-другому будет?

– Ну как уж так особенно по-другому? – не выдержал, разулыбался Сергей Иванович. – Шляпки, что ли, будут с другими полями?

– При чём тут шляпки? Хотя это тоже очень интересно... А вдруг через сто лет все-все люди будут жить вот в таких домах! И болеть не будут, совсем не будут! И не будет несчастных детей!

К этому времени пара уже подходила к Гагаринской улице, куда всего несколько часов назад дядя отводил племянника.

– М-да... Чтоб детей несчастных не было, придётся все гимназии поотменять, вот тогда они и будут в мяч гонять весь день и снеговиков лепить. О! Я знаю, как сделать всех детей счастливыми! Нужно букву «ять» отменить!

Маша сначала посмотрела на мужа огромными глазами, а потом расхохоталась.

– А как же без неё? Чем же первоклашки заниматься будут весь год?

Супруги отсмеялись, и тема всеобщего детского счастья была закрыта.

Морозовы свернули в Косой переулок и разом остановились.

На улице было необыкновенно тихо.

И снег вдруг пошёл – белый, пушистый и ме-е-едленный-ме-е-едленный. Он как будто зависал в воздухе перед тем, как упасть на землю.

Неизвестно сколько простояли Морозовы в переулке, по которому ходили до того тысячу раз.

– Какая красота! – первой пришла в себя Маша. – Прямо как в сказке.

– Я частенько здесь хожу, а привели б сюда с закрытыми глазами – нипочём бы места не узнал! – согласился Сергей Иванович.

Морозовы переглянулись и разом осторожно шагнули в Косой переулок.

И чем глубже они входили в переулок, тем волшебнее становилось вокруг. Дома за кружевной завесой снегопада казались сказочными замками. Небо опустилось низко-низко, как свод огромной пещеры. И снег то ли падал с этого свода, то ли, наоборот, летел вверх, как будто какой-то великан сдул пушинки с миллиона пышных одуванчиков.

И ещё – было фантастически тихо.

Так тихо, что слышно, как снежинки ударяются одна о другую.

В середине переулка Маша снова остановилась. Остановился и Сергей Иванович.

– Слышишь? – спросила Маша шёпотом.

Сергей Иванович прислушался и кивнул.

Шум сталкивающихся снежинок становился чуть громче и отчётливее, он всё больше напоминал музыку. Словно огромный оркестр тихо-тихо играл на колокольчиках какую-то необычную мелодию.

Снег повалил сильнее, но было совсем не страшно, а... волшебно. Снегопад стоял уже сплошной стеной, он начал медленно кружить вокруг мужа и жены, словно пытаясь их завернуть в снежную простыню. Где право? Где лево? Где стены домов?

Подчиняясь ускоряющемуся ритму, Маша начала вальсировать и звонко рассмеялась.
– Смотри, снег танцует. Раз-два-три, раз-два-три...

Полы Машиного пальто развевались, и Сергею Ивановичу даже показалось, что из снега соткался кавалер, который ведёт его Машу в танце. Теперь музыка колокольчиков звучала совершенно ясно.

– Ой, где-то сегодня бал, – сказала Маша и замерла от восторга.

Потому что в эту минуту снег вокруг них стал разно-цветным. Сотни огней вспыхнули в каждой снежинке. Сергей Иванович и Маша стояли как заворожённые, смотрели, как цветные снежинки падают на их волосы, на их одежду. Тают, но от этого только становятся ярче, отражаясь одна в другой.

Казалось, у них ещё не было минуты счастливее этой, казалось, что вся их жизнь была только ожиданием этого снегопада и что теперь всё изменится...

Сергей Иванович Морозов пришёл в тот день в депо с большим опозданием, собственно, он появился на работе только после обеда.

Вёл он себя совершенно необычно – был тих, неразговорчив. Не балагурил, не смеялся заливисто... Сначала сослуживцы решили, что беда у человека стряслась, потом присмотрелись – а он улыбается. Широко, открыто, по-доброму, просто в широченной бороде эту улыбку не сразу и разглядишь. И поняли, что если что и стряслось у этого человека, то только хорошее.

– Ванечка, вставай! Будешь так спать – сочельник проспичь!

– Дядя Серёжа, я такой сон видел!

Баня, осознав, что возле его постели не мама, а дядя, мгновенно проснулся и сел на кровати.

– Дядь Серёж, помнишь, мы с тобой на выставку ходили, там поезда были маленькие? Представляешь, я во сне увидел такую же железную дорогу! Сама малюсенькая, паровозик по полу в комнате ездит, между стульев, но рельсы настоящие! И вагончики тоже. А из вагончиков всё можно выгружать. И ёлочки вокруг растут, почти как живые! И даже машинист в паровозе есть.

Ваня выпалил всё с закрытыми глазами, чтобы не размазать картинку, которую видел до сих пор.

– Эх ты, придумщик!

Дядя обнял мальчика, тот забрался к нему на колени, и вдруг в голове у Сергея Ивановича отчётливо вспыхнула та же картинка – железная дорога, поезд, ёлочки и даже крошечный шлагбаум на крошечном переезде.

И ему ужасно захотелось, чтобы вся эта красота принадлежала его племяннику. Просто захотелось, и всё.

Слегка ошарашенный ярким видением, Сергей Иванович мотнул головой, подкинул Ванечку к потолку и отправился здороваться с остальными детьми.

За пару дней до праздника все дети в доме садились делать ёлочные игрушки. Это было нечто вроде катастрофы, но катастрофы ожидаемой. Дети ждали её с восторгом, а взрослые – понимая, что её не избежать.

Сначала на свет извлекался заветный чемоданчик со всяческими волшебными причиндалами. Листы разноцветной бумаги, золотая и серебряная канитель, бристольский картон, вата, проволока, блёстки, бусины. Всё это раскладывалось на огромном столе в кухне, который предварительно застилали старыми газетами.

Далее варился клей. Дети заворожённо наблюдали за тем, как растворяется крахмал. Сначала получалось непрозрачное варево, а потом вдруг становилось прозрачным.

Каждый год взрослые боялись, что чей-нибудь любопытный носик обольют-таки кипятком. Выгнать эти носики из кухни было невозможно ни под каким предлогом.

А потом... А потом начиналось самое интересное! Дети клеили, крутили, лепили, резали, пришивали, плакали и смеялись, дрались и мирились. Забывали про обед и ужин. Иногда выбегали в гостиную с криками:

– Смотри, что у меня получилось!

И мама стонала от восторга при виде крошечной бонбоньерки и от ужаса при виде волос в клее, платья в вате или безнадежно испорченных брюк, на которые «Колька вылил чернила, но ты, мамочка, не волнуйся».

Ближе к вечеру мама не выдерживала, приходила, просила строгим голосом:

– Вы, пожалуйста, заканчивайте, а то уже спать пора.

Дети знали, как с этим бороться.

– Мамочка, а помоги мне, пожалуйста, кукле волосы приклеить, – невинным голосом просит Наташа.

Мама берёт в руки куклу.

– А платье у неё уже есть?

– Нет. – Наташа прячет хитрющие глазки.

– Да как же она будет без платья? – возмущается мама.

И через час папа находит маму на кухне, всю в нитках, измазанную клеем, а куклу не только с приклеенными волосами, но и в бальном платье из настоящих кружев.

Папа хватается за голову, разгоняет всех по кроватям, клятвенно обещая детям, что завтра это безобразие будет продолжено.

И вот завтрашнее утро наступает. Вся кухня завешана разноцветными бусами, гирляндами и флажками. На печке сохнут котики, лебеди, ангелы, звёздочки, шарики, коробочки и просто звери, которых никто не смог опознать.

Торжественный момент, все ждут дядю Серёжу.

А дядя Серёжа, спустившись из Ваниной спальни, медленно прохаживается по кухне, скидывает сюртук, берёт кисточки, долго готовит краски, мудрит, перемешивает. Дети не торопят, они тихонько сидят и млеют от удовольствия. А потом неопознанные зверюшки оживают, приобретают характеры. Только что был недоделанный шарик, а стал котик, свернувшийся

клубком. Один глазик закрыт, а второй чуть приоткрыт, это он мышку ждёт. А вот и мышка – смешная такая, носик пуговкой, глазки-щёлочки. Маленькая Софья, которой только недавно исполнилось два годика, та, что создала этот крохотный кривой комочек, пытаясь сделать ровный шарик, визжит от восторга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.